

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.И. Барсов

Библиографическая заметка

Опубликовано:

Христианское чтение. 1888. № 3-4. С. 525-532.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Бібліографическая замѣтка.

(Обозрѣніе посланій св. Климента, епископа Римскаго, къ коринтянамъ. Выпускъ 1-й. Обозрѣніе перваго посланія. А. Приселкова. Спб. 1888 г.)

Покойный А. А. Приселковъ обнаружилъ хорошій научный тактъ, избравъ предметомъ своей ученой работы первое посланіе Климента къ коринтянамъ. Послѣ того, какъ Вріенніемъ отысканъ полный текстъ этого посланія, а затѣмъ найденъ древній (1170 г.) сирскій его переводъ, оно обратило на себя общее вниманіе ученаго міра какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, и вызвало цѣлую литературу изслѣдованій о себѣ. Разобраться въ массѣ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ сужденій и изслѣдованій о немъ накопившихся въ теченіе трехъ столѣтій, со времени перваго открытія этого посланія патрищемъ Юніемъ, и суммировать конечные результаты этихъ изслѣдованій, старыхъ и новыхъ, было одною изъ неотложныхъ задачъ патрологической науки.

Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что исполненіе авторомъ принятой на себя задачи въ первой (1—XII, 1—58 стр.) и второй (стр. 58—135) половинѣхъ сочиненія имѣетъ неодинаковую степень достоинства. Во второй половинѣ сочиненіе имѣетъ отнюдь неизслѣдовательный, а лишь *конспективный* характеръ и даетъ читателю возможность лишь оріентироваться въ области предмета, а не знакомить съ нимъ спеціально. Ставя обычные патрологическіе вопросы: объ авторѣ посланія, его неповрежденности, о времени написанія, о поводѣ къ его написанію, о его подлинности, объ исторіи его текста, о выдающихся пунктахъ его содержанія, и т. д., авторъ ограничивается тѣмъ, что „кратко и

ясно“ даетъ категорическій отвѣтъ на поставленный вопросъ, сообщаетъ суть дѣла, какъ онъ ее понимаетъ, „не считая нужнымъ“, по его словамъ, не только разбирать, но даже иногда „упоминать“ мнѣнія другихъ (см. стр. 59, 62, 75 прих. 79, 97, 116, и др.), вообще болѣе или менѣе игнорируя литературу предшествовавшихъ изслѣдованій о памятникѣ, которая далеко нескучна и отнюдь не лишена и доселѣ научнаго значенія и достоинства. Каждый изъ поставленныхъ авторомъ вопросовъ о памятникѣ имѣетъ свою исторію, которую въ *спеціальномъ* изслѣдованіи о немъ вовсе излишне было бы обозрѣть болѣе или менѣе обстоятельно, тѣмъ болѣе, что сдѣлать это было весьма нетрудно, такъ какъ весь ученый аппаратъ для этого былъ у автора подъ руками — въ изданіи Миня, и позднѣйшихъ — Вриеннія, Гильгенфельда, Фувка. Лишь кое-что изъ этого аппарата авторъ сообщаетъ въ выносахъ, причемъ мнѣнія ученыхъ сообщаетъ ихъ подлинными словами — на нѣмецкомъ, греческомъ, латинскомъ языкахъ, безъ перевода на русскій что, по нашему мнѣнію, вовсе неумѣстно въ сочиненіи, писанномъ не для ученыхъ спеціалистовъ только, а для массы русскихъ читателей, для которыхъ каждая мысль должна быть выражена на общедоступномъ для нихъ языкѣ. Исключеніе можетъ быть дѣлаемо лишь для выдержекъ изъ древнихъ первоисточниковъ, и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо для научнаго положенія дѣла, при чемъ и въ этихъ случаяхъ приведенный иноязычный текстъ долженъ быть сопровождаемъ объяснительнымъ переводомъ на русскій. Вообще эта половина сочиненія имѣетъ характеръ работы скороспѣлой, недодѣланной, что объясняется тѣмъ, что эта часть сочиненія, какъ намъ извѣстно, писана авторомъ въ то время, когда тяжкая болѣзнь, сведшая его въ могилу, дѣлала уже свои подступы и авторъ лишенъ былъ возможности обращаться къ книгамъ, а долженъ былъ, лежа въ постели, диктовать эти главы. Меньше всего удовлетворительно въ этой части сочиненія является глава объ авторѣ сочиненія. Изложеніе свѣденій о жизни и судьбѣ автора посланія сочинитель не считаетъ относящимся къ своей задачѣ (стр. 79). Какъ на основаніе для такого взгляда на дѣло, авторъ ссылается на при-

гбрь М. А. Голубева, который „написалъ прекраснѣйшее изслѣдованіе о первомъ посланіи къ коринѳянамъ ап. Павла, не посвящая отдѣльной главы біографическимъ свѣденіямъ объ ап. Павлѣ“. Нѣтъ надобности доказывать несостоятельность такого основанія. Впрочемъ, не считая нужнымъ заниматься біографіей Климента, авторъ тѣмъ не менѣе занимается ею, и это самая обширная изъ главъ второй части сочиненія (стр. 64—79), хотя всѣ эти „главы“ точнѣе должны быть названы параграфами,—это не *capita*, а *capitula*. Но свѣденія о Климентѣ, сообщаемыя имъ здѣсь, таковы, что даже въ коммендіумѣ патрологіи преосв. Филарета читатель найдетъ больше, чѣмъ въ спеціальному сочиненіи г. Приселкова. Довольно сказать, что какъ первый источникъ для этихъ свѣденій, онъ эксплуатируетъ Четив-Миней св. Димитрія Ростовскаго (причемъ упоминаетъ и Четивхъ-Минейхъ митрополита Макарія, „въ которыхъ помѣщены статьи, относящіяся къ автору посланія“), забывая, что для тѣхъ и другихъ Четив-Миней должны быть и были первоисточники, которые и сохранились отчасти до нашего времени, каково напримѣръ *martyrium S. Clementis*, напечатанное у Котельера (t. II, p. 819 sq.), подлинность котораго, хотя и не во всѣхъ частяхъ, признана въ наукѣ несомнѣнною.

Первая половина сочиненія, содержащая въ себѣ подробный комментированный анализъ содержанія посланія Климента (стр. 1—58), представляетъ хорошую вполне научную работу. Подробно пересказывая содержаніе посланія, авторъ комбинируетъ это содержаніе въ стройную, логически-правильную систему, и отнюдь не измѣняя точнаго смысла мыслей св. отца, передаетъ ихъ искусною современною научно-богословскою терминологіей. Многочисленныя и обстоятельныя примѣчанія къ тексту посланія—плодъ весьма тщательнаго сравнительнаго изученія главнымъ образомъ трехъ древнихъ текстовъ посланія—Александрійскаго, Константинопольскаго и Сирскаго—а также изученія массы ученыхъ примѣчаній въ наличной западной литературѣ (главнымъ образомъ Функа и Гильгенфельда), относящейся къ посланію Климента, достаточно свидѣтельствуеетъ о полномъ умѣнъ автора обращаться съ ученымъ аппаратомъ.

Вполнѣ самостоятельную часть сочиненія составляет переводъ на русскій языкъ главъ посланія (LVIII — LXIII) до изданія Врѣннїя бывшихъ неизвѣстными. Авторъ печатаетъ этотъ переводъ параллельно съ подлинникомъ, что облегчаетъ читателю возможность провѣрки перевода. На нашъ взглядъ переводъ этотъ довольно точенъ, обличаетъ въ авторѣ знакомство съ лексикономъ классическаго греческаго языка, но отнюдь не съ лексикономъ греческаго языка христіанскаго — новозавѣтнаго и святоотече-скаго. Отвѣтитъ нѣчто. Ἀρχέγονον πάσης κτίσεως (стр. 46) авторъ переводитъ словами: „*синовнымъ* въ произведеніи всякаго творенія“; ἀσθενεῖς — большихъ (слѣдуетъ: слабыхъ); ἀσθενού-τας — слабыхъ (слѣдуетъ: „ослабѣвающихъ“); σύντασιν — устрой-ство (слѣдуетъ: „составъ“ стр. 48); ὁμονοία — единодушіе слѣдуетъ: единомысліе — стр. 49); ἱκανῶς — достаточно; σώφρονας — цѣломудренныхъ (вмѣсто мудрыхъ стр. 55); μέρος ἐκλογῆς — до-стояніе (слѣдуетъ: часть избранія, избранная — стр. 67). Слово θρησκεία (стр. 53), которое авторъ переводитъ словомъ богопо-чтенію (слѣдуя Функу, у котораго — cultus), мы перевели бы охот-нѣе словомъ благочестіе, слѣдуя переводу этого слова, санкціони-рованному Св. Синодомъ (въ посланіи восточныхъ патріарховъ къ Пію IX, гдѣ слова οὐρανοκτιστῆς τῆς θρησκείας — переводятся: хранитель *благочестія*). Особенно неправильнымъ съ точки зрѣнія патрологической представляется намъ переводъ авторомъ слова παῖς (отрокъ), неоднократно употребляемаго Климентомъ (стр. 45, 47 и др.) въ примѣненіи къ І. Христу, словомъ *Сынъ* (— Υἱός). Здѣсь авторъ даетъ больше чѣмъ сколько содержится въ посланіи Климента и усваиваетъ ему терминологию позднѣйшаго времени (на-примѣръ Діонисія Великаго). Несомнѣнно, что Климентъ училъ о сновствѣ второго лица Св. Троицы, но въ данномъ случаѣ это ученіе выражено не въ той формулѣ, какая была выработана цер-ковію нѣсколько позднѣе. Слово παῖς, постоянно употребляемое Кли-ментомъ, какъ видно изъ контекста, выражаетъ непорочность че-ловѣческой природы Богочеловѣка (что позже выражалось словами: „во всея намъ соестественъ, *кромѣ грѣха*“). Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что слово παῖς въ словоупотребленіи

новаго завѣта и въ литературѣ святоотеческой вовсе нетождественно съ словомъ υἱός. Такъ у Мѣ. XVII, 15 отецъ бѣсноватаго говоритъ: помилуй сына моего (υἱόν); а позже (XVII, 18) замѣчается: исцѣлѣв отрокъ (παῖς): очевидно въ первомъ случаѣ имѣется въ виду отношеніе сыновства, во второмъ лишь опредѣляется возрастъ исцѣлѣвшаго. Изъ контекста рѣчи у Климентя видно, что, называя І. Христа παῖς. Климентъ выражаетъ ту же мысль, что и у Маттея XII, 17, гдѣ слова Исаи: *се отрокъ мой, его же изволишъ примѣняются къ І. Христу.* Это значить, что Климентъ, какъ это и было свойственно первобытной церкви, держится еще ветхозавѣтной пророчесвенной терминологіи въ ученіи объ І. Христвѣ, въ виду продолжавшейся еще въ церкви близости къ церкви іудейской и въ виду того значенія, какое имѣли въ церкви книги св. Писанія ветхаго и новаго завѣта, прежде, чѣмъ образовался окончательно канонъ новаго завѣта. То же самое видимъ мы и въ современныхъ Клименту учительныхъ теоріяхъ церкви, каковы διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων. И въ атомъ памятникѣ (IX, 2) мы читаемъ: „благодаримъ за св. виноградъ Давида, отрока твоего—тобъ παιδὸς σου (сравни Луки I, 54) и III: благодаримъ за жизнь и вѣденіе, которыя ты открылъ чрезъ *Иисуса, отрока (παῖς) своего;* такъ и въ постановленіяхъ апостольскихъ (VII, 25): благодаримъ за жизнь, которую открылъ намъ чрезъ *Иисуса, отрока (παῖς) твоего.*

Главный недостатокъ разсматриваемаго сочиненія состоитъ въ полномъ почти отсутствіи патристическаго содержанія въ немъ. Отмѣчая, въ предисловіи (VIII), какъ главный недостатокъ статьи о посланіи Климентя, напечатанный въ „Трудахъ кievской академіи“, отсутствіе въ ней *изложенія ученія* Климентя, авторъ самъ, однако, отнюдь не дѣлаетъ такого измѣненія въ своемъ сочиненіи. Но что совершенно извинительно для библиографической замѣтки, какова статья „Трудовъ“, то отнюдь непростительно въ спеціальному патристическому сочиненіи, ибо еще въ старину было извѣстно, что *Patristica est disciplina theologica, quae ex scriptis SS. Patrum eruit, quae ad fidem moresque et disciplinam spectant, eaque ad justum redigit ordinem.* Вѣсто того, чтобы

по обширному посланію Климента воспроизвестъ съ возможною полнотою христіанское богословіе перваго вѣка, интерпретируя, какъ водится у патрологовъ, даже отдѣльныя слова и фразы сочиненія, такъ какъ по собственному убѣжденію автора (предисл. стр. III) „въ такого рода памятникахъ не только фраза или слово, но и одна буква можетъ представлять для изслѣдователя-богослова весьма существенный интересъ. авторъ ограничивается „*обзоромъ* болѣе выдающихся мѣстъ посланія“, при чемъ весь этотъ обзоръ состоитъ лишь изъ *указанія* на ученіе Климента о боговдохновенности св. Писанія, о воскресеніи мертвыхъ и о богоучрежденности церковной іерархіи! До какой степени такое изложеніе ученія Климента неудовлетворительно, можно видѣть уже изъ того, что въ немъ нѣтъ указанія даже на такъ называемые въ патристикѣ specimens (specimina) св. отца, на которыхъ останавливались всѣ патріологи и на которыхъ Тридентскій соборъ основывалъ свои каноны. Сюда относятся: ученіе объ оправданіи вѣрою и любовію, содержащееся въ главахъ XXXI, XXXII, I посланія (соб. Тридент. sessio 6, cap. 7, cap. 11), о значеніи добрыхъ дѣлъ—въ гл. XXXIII—XXXIV (соб. Трид. sess. 6, cap. 11—16, cap. 18—20, 26, 31). Затѣмъ въ посланіи Климента содержится ученіе: о Божествѣ I. Христа (гл. II, XVI), объ искупительной жертвѣ Его (гл. VII), о Богѣ Творцѣ и Промыслителѣ (гл. XVII, XXXIII), о первосвященническомъ служеніи I. Христа (гл. XXXVI), о благодатныхъ дарованіяхъ въ церкви (гл. II), о второмъ пришествіи Христовомъ (гл. XXIII), объ ангелахъ (гл. XXXVI), о пророчесственномъ, по отношенію къ I. Христу, значеніи мѣстъ изъ Исаіи и псалмовъ (гл. XVI, XXXVI), о прообразахъ Ветхаго Завета (гл. X—XII, XL—XLIV), о молитвѣ за умершихъ (гл. LVI) о таинствѣ покаянія вообще и въ частности, что особенно замѣчательно, объ устной исповѣди (*εξομολογεῖσθαι, περὶ τῶν παραπτωμάτων*) въ гл. VII, CX, LI, LII, LVII (соб. Тридент. sessio 11, cap. 5, et 8, cap. 6, 8, 12, 13 et 14), и т. д. и т. д. Замѣтивъ въ предисловіи (стр. IV) о твореніяхъ мужей апостольскихъ, между которыми первое мѣсто авторъ справедливо отводитъ Клименту, что „они знакомятъ съ библейскимъ текстомъ, какой

употреблялся въ первобытной церкви, представляютъ данныя для рѣшенія вопросовъ о подлинности, неповрежденности и употребленіи св. книгъ, ветхаго и новаго завѣта“, авторъ ни единымъ словомъ не обмолвился на этотъ счетъ относительно посланія Климента. А между тѣмъ было о чемъ сказать: посланіе перешло библейскимъ текстомъ ветхаго и новаго завѣта; изъ послѣдняго цитуются: евангеліе отъ Матвея (гл. XIII и др.) и Луки (гл. XIII), книги Дѣяній (гл. II), посланія: въ Римлянамъ (гл. XXXV) оба къ коринтеянамъ (гл. XLVII, XXXVI, XXX, XXI и др.), первое къ солупянамъ (гл. XXXVIII), 1-е Петрово (гл. II, XXXVIII, XLIX), 2-е Петрово (гл. XI), Іакова (гл. X, XVII, XXIII, XXX, XLIV) и т. д.

Накопецъ всего прискорбѣе, что авторъ ничего не сказалъ о патристическомъ или церковно-историческомъ значеніи вновь открытыхъ LVIII—LXIII главъ посланія,—о томъ, что дало ему поводъ избрать посланіе Климента предметомъ своего сочиненія. А есть что сказать и по этому предмету. Содержащаяся въ этихъ главахъ молитва, превосходно представляетъ предъ нами духъ жизни первобытнаго христіанства. Нравственный характеръ первобытнаго христіанства является на всей высотѣ своего величія въ этой чудной молитвѣ, которую Климентъ заключаетъ свое посланіе и которая достойна занять мѣсто на ряду съ лучшими евхаристіиными молитвами древнихъ литургій, этими совершеннѣйшими произведеніями самой возвышенной и величественной лирики, въ которыхъ не знаешь, чѣмъ болѣе восхищаться—силою ли мысли и чувства или величіемъ идей. Есть въ этой молитвѣ одна историческая деталь, которую стоитъ отмѣтить. Покойный профессоръ Церковной Исторіи И. В. Чельцовъ, комментируя литургію „поставленій апостольскихъ“ въ томъ мѣстѣ одной изъ евхаристіиныхъ молитвъ, гдѣ содержится моленіе „о царѣ и правительствующихъ“ (см. стр. 127 „Собраніе древнихъ литургій въ переводѣ на русскій языкъ“, Спб. 1874 г.), не нашелся указать другихъ фактовъ въ подтвержденіе того, что эта молитва дѣйствительно произносилась на литургіи Христовой, какъ только факта изъ четвертаго вѣка, когда „цари и правительствующіе“ были уже

сынами церкви, — именно на свидетельство Евсевия в „жизни Константина“ (кн. IV, гл. 45) и Афанасия В. в „апологи къ Констанцію“. Между тѣмъ вотъ что читается буквально во вновь найденныхъ главахъ посланія Константина: „Направь стопы наши, чтобы мы ходили въ святости и дѣлали доброе и угодное предъ Тобю и нашими начальниками. Ты, Господи, дай имъ власть царства: дай имъ, Господи, здравіе, миръ, согласіе, твердость, чтобы данное тобою начальствованіе они отправляли безъ преткновенія. Ибо, Ты, Господи, даешь имъ власть. Направь волю ихъ на доброе и угодное предъ Тобю, чтобы, благочестиво отправляя въ мирѣ и кротости данную Тобю имъ власть, они находили тебя милостивыхъ“. Эти слова не имѣли подлиннаго произведенія первобытнаго христіанства, какъ и установленіе поста заговорителей, о которомъ говорится въ „ученіи двѣнадцати апостоловъ“, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что молитва за царя и правительствующихъ, согласно заповѣди апостола, приносилась христіанами на литургіи не только въ то время, когда христіанская религія въ Римской имперіи сдѣлалась религіей императора и правительствующихъ, но и тогда, когда императоры были еще язычниками и преслѣдовали христіанъ. Можно было указать и другія цѣнныя въ патрологическомъ отношеніи детали какъ въ цѣломъ составѣ посланія, такъ въ частности во вновь найденныхъ его главахъ. Предѣлы библиографической замѣтки заставляютъ насъ ограничиться вышесказаннымъ въ доказательство того, что трудъ покойнаго А. А. Приселкова еще не исчерпалъ своей задачи и что и послѣ него возможно и желательно новое изслѣдованіе посланія Климента.

Н. Барсовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки